

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Г. КУЗНЕЦОВ
Герой Советского Союза

В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Весь незабываемый сорок пятый год знаменателен крупными событиями. Наши войска, преодолевая сопротивление противника, продвигались к своей конечной цели — Берлину, чтобы заставить политическое и военное руководство фашистской Германии подписать безоговорочную капитуляцию. Мне уже доводилось писать в журнале о таких важных событиях, как Ялтинская конференция, победная весна 1945 г. и Потсдамская конференция. Однако окончание войны в Европе еще не означало полного завершения второй мировой войны. По принятому в Крыму решению союзных держав, Советскому Союзу через два-три месяца после разгрома гитлеровской Германии предстояло выступить против милитаристской Японии.

* * *

Войну с милитаристской Японией на востоке невозможно рассматривать оторванно от борьбы с фашистской Германией на западе. Как известно, Япония еще задолго до второй мировой войны связала себя договором с Гитлером и разрабатывала планы совместного нападения на Советский Союз в выгодный для себя момент. Только провал «молниеносного» наступления немецко-фашистских войск осенью 1941 г. вынудил ее воздержаться от выступления против СССР в первые месяцы войны. Однако наступательные планы разрабатывались и уточнялись японским командованием в 1941—1943 гг. Когда победа Советского Союза над Германией уже не вызвала сомнений, а США оправались от первых неудач на Тихом океане, Квантунская армия, издавна готовившаяся к нападению на советские территории на Дальнем Востоке, была вынуждена ограничить свои аппетиты теми рубежами, на которых она сосредоточилась, но продолжала бряцать оружием. Своей позицией Япония косвенно помогала фашистской Германии в самое трудное для нас время. Это заставляло наше Верховное Главнокомандование постоянно держать на Дальнем Востоке войска соответствующей численности и быть готовым вести войну на два фронта.

Не отрицая, что вооруженным силам США пришлось вынести на своих плечах огромную тяжесть борьбы с милитаристской Японией, не следует забывать, что решающую роль в ее разгроме сыграл Советский Союз, что именно благодаря выступлению Советской Армии в августе 1945 г. и разгрому ею Квантунской армии 2 сентября 1945 г. министру иностранных дел Японии Мамору Сигемицу и начальнику имперского генерального штаба Есидаэро Умаэдау пришлось поставить свои подписи под актом капитуляции.

Еще в предвоенные годы, будучи командующим Тихоокеанским флотом, я не раз убеждался в агрессивности милитаристской Японии; провокации на ваших дальневосточных границах были почти обычным явлением. Иногда они перерастали в крупные столкновения советских пограничных и регулярных частей с японскими войсками. Так было в 1938 г. у о. Хасан, неподалеку от нашей главной военно-мор-

ской базы Владивостока. Мне довелось тогда встречаться с маршалом В. К. Блюхером и обсуждать сложившееся положение и возможность развязывания против нас настоящей войны. Но, как и немного позднее, у Халхин-Гола, японским агрессорам был преподан полезный урок, и они на некоторое время успокоились. После начала второй мировой войны мы вынуждены были считаться с возможностью новых и крупных рецидивов провокационных действий на дальневосточных границах.

Когда 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз (я в то время уже работал в Москве), помнится, мы серьезно опасались за свои восточные границы. Мне, как наркому военно-морского флота, после оценки обстановки пришлось испрашивать разрешение правительства выставить оборонительные мины заграждения на подходах к военно-морским базам от Владивостока до Камчатки. В осеннюю и зимнюю непогоду с туманами наши мины создавали много хлопот для командования Тихоокеанского флота, но эта мера была необходима, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох. Тихоокеанский флот предпринял и такие активные меры, как дежурство морских охотников и морской авиации на подступах к базам, что тогда называлось несением «ближнего боевого дозора». Необходимые меры предосторожности были приняты и на сухопутных границах, чтобы Квантунская армия не соблазнилась выступить безнаказанно. Ведь чем труднее временами складывалось у нас положение на западе, тем вероятнее было выступление японцев в 1941—1942 гг. В зависимости от успехов или неудач немецко-фашистских войск на советско-германском фронте вероятность войны на Дальнем Востоке то увеличивалась, то уменьшалась.

В декабре 1941 г. Япония начала войну с США. Политическое руководство США считало желательным наше выступление против Японии сразу же после нападения японцев на Пёрл-Харбор, но «врагом № 1» тогда являлась фашистская Германия, судьба которой репалась в Европе на советско-германском фронте. Более настоятельно президент США Ф. Рузвельт поставил этот вопрос на Ялтинской конференции. Вот тогда и было принято окончательное решение о выступлении Советского Союза против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе. Однако в те дни сроки возможного окончания войны с Германией вырисовывались еще не ясно. Некоторые деятели на Западе полагали, что война в Европе затянется по крайней мере до глубокой осени 1945 г. Но подготовка к выступлению СССР против милитаристской Японии уже велась. Что касается нас, моряков, то мы приводили в полную готовность Тихоокеанский флот и Амурскую флотилию, посылая туда адмиралов и генералов, получивших большой опыт войны на западных морских театрах. Там же, на Ялтинской конференции, о чем я уже писал, стоял и вопрос о помощи нам по ленд-лизу некоторым количеством судов для усиления Тихоокеанского флота.

Напомню лишь, что в результате принципиальной договоренности И. В. Сталина и Ф. Рузвельта и более детального обсуждения данного вопроса мною с американским адмиралом флота Э. Кингом мы получили от США 30 фрегатов, 24 тральщика типа «АМ», 36 тральщиков типа «УМС», 56 больших охотников за подводными лодками, 48 торпедных катеров и 60 различных десантных судов. Вернувшись в середине февраля 1945 г. из Крыма в Москву, я уже мог отдать все нужные приказы об укомплектовании этих кораблей и направлении команд в бухту Коулд-бей на Алеутской гряде.

В начале 1945 г. еще шли упорные бои на советско-германском фронте, и сроки окончания войны в Европе, как уже отмечалось, были еще не ясны. Более отдаленные сроки предполагал и адмирал Э. Кинг в разговоре со мной относительно будущих операций на Тихом океане. Но наши войска продвигались быстрее, чем предполагали западные союзники, хотя гитлеровцы и дрались с упорством обреченных.

После капитуляции фашистской Германии, 17 июля—2 августа 1945 г. состоялась, как известно, Потсдамская конференция. Поскольку Япония не согласилась на безоговорочную капитуляцию, предложенную ей союзниками в дни конференции, Советский Союз, выполняя обещание, должен был в установленные сроки выступить против нее. Помнится, в Потсдаме мы несколько раз обсуждали с адмиралом Кингом возможные совместные действия флотов СССР и США, когда мы выступим против Японии. Сроки уже приближались. Советские армии сосредотачивались на дальне-

восточных границах и готовились к последним усилиям для разгрома японских милитаристов и завершения второй мировой войны. Тихоокеанский флот был уже готов выполнить директивы Ставки и командования фронтов, которым он и Амурская флотилия были оперативно подчинены.

Еще в Потсдаме я узнал о предстоящем вскоре выступлении наших войск и получил указание Верховного Главнокомандующего отправиться на Дальний Восток. О своей поездке туда и действиях Тихоокеанского флота и Амурской флотилии мне и хочется рассказать ниже.

Уже после войны некоторые американские историки и мемуаристы начали пытаться преуменьшить роль Советской Армии, утверждая, будто война на Дальнем Востоке закончилась бы в эти же сроки и без участия Советского Союза. А мне вспоминаются беседы с адмиралом Э. Кингом на Ялтинской конференции. Тогда, в начале 1945 г., он отнюдь не переоценивал своих возможностей и заявил, что для скорейшего разгрома Японии нужно «получить подкрепления с европейского театра, занять позиции и начать решительное наступление». Подкрепления же эти могли быть прежде всего в лице Советской Армии, что и заставляло Ф. Рузвельта просить И. В. Сталина по возможности скорее после победы над Германией выступить против Японии¹. Адмирал Э. Кинг показывал мне на карте, что «границы проходят по Атту, Марианским островам и Луссону». Более того, «решительное наступление», по его словам, «мало вероятно в 1945 г., если не будут изысканы дополнительные ресурсы». Я внимательно прислушивался в Ялте к его словам потому, что США наступали на японские острова через океан и адмирал сам руководил операциями как главнокомандующий ВМС США. Значит, он лучше, чем кто-либо другой, мог оценить обстановку. Фальсифицировать же историю уже после войны, «видя бой со стороны», да к тому же постфактум, значительно легче.

Сейчас в США существует своего рода табу на многое из того, что говорилось или писалось по горячим следам в дни войны. Так, Э. Стеттиниус в своей книге «Рузвельт и русские» писал: «Американскому народу следует помнить, что в 1942 г. он был недалек от катастрофы. Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, немцы получили бы возможность захвата Великобритании. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке». Это говорил не рядовой автор или историк, а тогдашний государственный секретарь США, которому было известно истинное положение дел. И все это правда. А в книге английского автора Макдональда «Могучий порыв» факты прошлого просто-напросто перечеркиваются: он заявляет, что «вклад СССР в войну не был столь весомым, как это может показаться поверхностному наблюдателю».

Неслучайны и упреки в адрес Ф. Рузвельта, раздававшиеся в США после войны: якобы он без особой на то нужды обратился к Советскому Союзу за помощью в войне на Дальнем Востоке. Но ведь, как вытекает из написанного Стеттиниусом, операции на Тихом океане могли развернуться совсем по-иному, если бы СССР «не смог удержать свой фронт» в Европе. Мы, конечно, помним, что в 1945 г. флот и армия США уже теснили японцев. Помним и то, что Советская Армия осуществила победоносное наступление на советско-германском фронте. Но, как видно из приведенного выше высказывания Э. Кинга, о победе союзников на Тихом океане еще было трудно говорить, и поэтому нельзя не оценить роль Советской Армии, выступившей, согласно своим обязательствам, против Японии. Взятие Берлина советскими войсками и окончание войны с гитлеровской Германией в первой половине мая оказали сильное влияние и на быстрое окончание войны на Дальнем Востоке.

Итак, весной 1945 г. события опережали предполагававшиеся западными союзниками сроки разгрома гитлеровской Германии. В ночь на 9 мая была подписана капитуляция фашистского рейха. В июле главы трех держав собрались на конференции в Потсдаме. Решались сложные вопросы устройства послевоенного мира. Наши войска, в соответствии с решением Ставки, уже были переброшены на восток. Шли послед-

¹ Вопрос о помощи союзникам вступлением СССР в войну с Японией стоял еще на Московском совещании и на Тегеранской конференции в 1943 г. Об этом говорил и У. Черчилль в Москве в 1944 г. И позднее, в 1945 г., на Ялтинской конференции союзники заявляли, что для окончания войны потребуется еще не менее 18 месяцев и для завершения войны на Дальнем Востоке им крайне нужна помощь СССР.

яне приготовления к решительному наступлению. Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский флот и Амурская флотилия к 2 августа уже были готовы начать последнюю кампанию второй мировой войны, развязанной фашистской Германией и милитаристской Японией.

О точных сроках (дне и часе) нашего выступления против Японии до последнего момента знали всего несколько человек. Как правдиво, начальник Генерального штаба с разрешения Ставки своевременно информировал меня в тех случаях, когда в подготовке и проведении той или иной операции участвовал военно-морской флот. На одном из совещаний в особняке начальника Генштаба А. И. Антонова в Бабельсберге, недалеко от Потсдама, рассматривался вопрос о готовности Тихоокеанского флота. Это было в самом конце июля 1945 г. Время нашего выступления на востоке приближалось, и Ставка, очевидно, уже требовала от Генштаба более точных данных о готовности наших войск. На места намеченных операций уже выехали маршалы А. М. Василевский, К. А. Мерецков и Р. Я. Малиновский. На поставленный мне А. И. Антоновым вопрос о готовности Тихоокеанского флота я ответил вопросом: к какому же сроку он должен быть готов? Алексей Иннокентьевич все еще не хотел называть (а возможно, не знал и сам) точную дату и сказал, что это от Генерального штаба не зависит, но сроки тем не менее приближаются. Поскольку, по моим данным, Тихоокеанский флот и Амурская флотилия закончили подготовку, я попросил известить меня за несколько дней до начала военных действий.

Готовность Тихоокеанского флота мне была хорошо известна. Ведь именно там, на Дальнем Востоке, в дни боев у о. Хасан в 1938 г. мы впервые почувствовали опасность большой войны и серьезных последствий в случае внезапного нападения с воздуха. Значение неожиданных воздушных налетов я оценил еще будучи в Испании и поэтому стремился провести все возможные мероприятия на случай крупного конфликта, чтобы не оказаться застигнутым врасплох. Правда, это был лишь фундамент той системы оперативных готовностей, которую Главный морской штаб кропотливо разрабатывал в последние предвоенные годы и настойчиво проводил в жизнь. Хотя Великая Отечественная война шла на западных театрах, Тихоокеанский флот должен был считаться с возможностью нападения милитаристской Японии и постоянно находился в повышенной готовности. К началу 1945 г. вторая мировая война уже охватила и весь Дальний Восток, с чем мы не могли не считаться. Союзники — СССР, США и Англия — должны были думать об ее успешном окончании в целом, и это накладывало на нас определенные обязанности.

По получении от А. И. Антонова предупреждения о скором выступлении против Японии, я немедленно отдал тогдашнему начальнику Главного морского штаба адмиралу С. Г. Кучерову ряд приказаний о дополнительной проверке готовности Тихоокеанского флота и отправке туда группы ответственных лиц для контроля за их выполнением. В успешном окончании войны на Дальнем Востоке сомнений не было, но для того, чтобы не нести лишних потерь, фронты и Тихоокеанский флот с Амурской флотилией тщательно готовились к надвигавшимся событиям.

Еще в тот момент, когда Потсдамская конференция подходила к концу, И. В. Сталин как-то загадочно спросил меня, не собираюсь ли я на Дальний Восток. Я ответил, что намерен после конференции на один-два дня задержаться на Балтийском флоте и затем отправиться на восток. Реплика Сталина: «медлить не следует» дала мне основание думать, что сроки начала военных действий против Японии совсем близки. Значит, надо дать указания Главному морскому штабу еще раз проверить готовность Тихоокеанского флота, хотя оперативно он был подчинен 1-му Дальневосточному фронту, которым командовал К. А. Мерецков, и Амурской флотилии, подчиненной генералу И. А. Пуркаеву, возглавлявшему 2-й Дальневосточный фронт.

Как уже упоминалось, в дни Потсдамской конференции Япония предприняла попытку склонить США к перемирию, но получила отказ с требованием казнить безоговорочно. Японское руководство не согласилось с этим, и союзники решили продолжать борьбу. Мне это было известно. Американцы готовились использовать новое оружие — атомную бомбу, которая была испытана 16 июля в Неваде, но еще во многом оставалась загадкой. Лишь позднее я узнал, что Сталин был информирован об атомной бомбе, но с кем он поделился этими сведениями, мне неизвестно. А через несколько лет, читая мемуары У. Черчилля и другие материалы, мне удалось узнать некоторые под-

робности: тогдашний президент США Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину об «успешном эксперименте» с первой атомной бомбой в Неваде; сам же Черчилль возражал против информации о ней советского Верховного Главнокомандующего. Это характерно для Черчилля.

Но не будем уходить от темы.

На пути из Потсдама в Москву я проездом остановился в Лиепае и Риге. Там балтийцы «пытали» меня, будем ли воевать с Японией и когда именно, но я уклонился от прямого ответа. С западных флотов на Тихоокеанский флот отправлялись опытные боевые во начальники, а большего знать пока не требовалось.

8 августа я отправился в Читу, чтобы встретиться с маршалом А. М. Василевским и договориться с ним о взаимодействии флота и флотилии с фронтами. Остановившись в Иркутске, узнал, что на Хиросиму сброшена атомная бомба. Признаться, я мало что знал о ней; разве только, что она обладает необыкновенно сильным фугасным действием.

Моим пилотом был А. Х. Бехтинов, полярный летчик, привыкший к непогоде, и поэтому он, несмотря на советы метеорологов воздержаться от полета дальше, в гористый район Читы, предложил все же лететь. Он был уверен, что мы доберемся благополучно. И действительно, при низкой облачности и дожде, маневрируя между сопками, он нашел нужный аэродром. Ожидавший нас офицер из-за скверной погоды решил, что мы не прилетим, и уехал. «А мы думали, летчик не рискнет везти вас в такую погоду», — сказал мне при встрече на своем КП маршал А. М. Василевский, объясняя, почему никто не встречал нас на аэродроме. Мне предстояло заняться вопросами координации действий флота и флотилии с фронтами. Мне помогал Н. М. Харламов с группой офицеров.

Ознакомившись с обстановкой и связавшись с командованием Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, я решил несколько дней поработать у маршала А. М. Василевского, чтобы потом вместе с ним вылететь в Приморье.

Стратегический план Ставки Верховного Главнокомандования заключался в стремительном и решительном наступлении одновременно в трех направлениях: из Приморья, из района Хабаровска и со стороны Забайкалья, чтобы расчленив и уничтожить Квантунскую армию. Руководство всей кампанией на месте было возложено Ставкой на Маршала Советского Союза А. М. Василевского, назначенного Главнокомандующим советских войск на Дальнем Востоке. В помощь ему в деле координации действий флотов с Тихоокеанским флотом и Амурской флотилией послали меня.

На западной границе Маньчжурии был развернут Забайкальский фронт, которым командовал Р. Я. Малиновский. На северо-восточной границе находился 2-й Дальневосточный фронт под командованием М. А. Пуркаева и на востоке, упираясь своим флангом в Японское море, сосредоточились войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием К. А. Мерецкова. Тихоокеанским флотом командовал И. С. Юмашев, а Амурской флотилией — Н. В. Антонов.

8 августа 1945 г. Советское правительство объявило войну Японии, а утром 9 августа начались боевые действия. Квантунская армия насчитывала тогда свыше 1200 тыс. человек. Она имела около 1200 различных танков, более 5000 орудий и до 1800 самолетов. Кроме разгрома Квантунской армии, Советским Вооруженным Силам предстояло освободить острова Курильской гряды и Южный Сахалин.

На Тихоокеанский флот была возложена задача в первую очередь высадкой десантов оказать помощь 1-му Дальневосточному фронту и подготовиться к последующим десантным операциям на Южный Сахалин и Курильские острова.

9 августа, наступая одновременно с трех направлений, наши войска начали продвижение. Они преодолевали труднопроходимую местность с высокими хребтами. На пять тысяч километров протянулся фронт, на котором начались сражения. Инициатива была в наших руках. Это оказало огромное влияние на решение императорской ставки и японского правительства. В тот же день — 9 августа — премьер-министр Японии Судзуки сделал заявление. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — сказал он, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

В течение ближайшей недели наши войска продвинулись в глубь Маньчжурии на 150—400 км и приблизились к Мукдену и Чанчуню. Тихоокеанский флот, поддержи-

вая фланг 1-го Дальневосточного фронта, высаживал десанты в Юки, Расине и Сейсине, а Амурская флотилия, тесно взаимодействуя с частями 2-го Дальневосточного фронта, продвигалась по реке Сунгари на Харбин.

19 августа Квантунская армия капитулировала. Однако фронты и флот должны были решить свои задачи до конца. На Тихоокеанский флот и подчиненную ему Северо-Тихоокеанскую флотилию (командующий вице-адмирал В. А. Андреев) после освобождения Южного Сахалина легла задача высадить наши войска на Курильские острова и освободить их от японских милитаристов.

В середине августа (кажется, 16-го) мы вместе с маршалом А. М. Василевским вылетели из Читы в Приморье. Он хотел лично проследить за операциями 1-го Дальневосточного фронта, а мне в эти дни следовало быть ближе к штабу флота. Полет этот остался в памяти. Погода в момент вылета была сносной, но в этих краях она быстро меняется, и когда мы находились примерно на полпути к Хабаровску, самолет попал в грозные облака. Молнии сверкали совсем рядом, а ливень не позволял летчикам удерживать высоту. Не без труда пилоту удалось повернуть самолет и искать место вынужденной посадки. Горючего на то, чтобы вернуться в Читу, уже не хватало. Выбрали небольшой аэродром Тыгда. Не успели мы сесть, как его закрыли низкие облака. Связь с Москвой временно была потеряна, и маршалу Василевскому пришлось отправиться на ближайшую железнодорожную станцию, чтобы доложить о своем местонахождении. Мой самолет с летчиком Бехтиновым тоже же долетел до Хабаровска и сел вслед за нами в Тыгде. Но на следующее утро небо было ясным, и мы спокойно добрались до Хабаровска. До чего же переменчива обстановка в воздухе и на море на Дальнем Востоке!

Пробыв сутки вместе с маршалом А. М. Василевским в штабе у К. А. Мерецкова, я вылетел во Владивосток. Тихоокеанский флот уже готовился к высадке десанта в Гензан, а Северо-Тихоокеанская флотилия, подчиненная Тихоокеанскому флоту, собирала все десантные средства для десантов на Курильские острова.

Находясь во Владивостоке, я дважды разговаривал по телефону с И. В. Сталиным. Помнится, в один из дней, после того как я доложил обстановку на море, он шутил спросил: «Вы все еще воюете?» Тогда наши части высаживались на последний остров Курильской гряды — остров Кунашир. «На Хоккайдо высаживаться не следует», — полусуто заметил Сталин.

Через день-два меня снова вызвали к телефону. Верховный Главнокомандующий спросил, когда я вылетаю в Москву. Это было уже в середине сентября. «Нужно решить вопрос, как быть с новой судостроительной программой», — сказал Сталин и повесил трубку. В правительстве уже стоял вопрос о будущем военно-морском флоте, и нас, моряков, торопили с разработкой проекта новой программы.

После этого разговора с Москвой я побывал еще в Хабаровске, где встретился А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, К. Я. Мерецков и М. А. Пуркаев, чтобы подвести итоги этой молниеносной кампании. Рано утром на двухмоторном самолете «Дуглас» я вылетел в Москву и к полудню следующего дня был в столице.

Окончание войны с Японией не отмечалось так торжественно, как 9 мая 1945 г., но все сознавали, что теперь кончилась вторая мировая война. Всем хотелось верить в длительный и прочный мир.

* * *

Далее мне хотелось бы более подробно и обстоятельно рассказать о действиях нашего Тихоокеанского флота. Как уже отмечалось, с первых дней Великой Отечественной войны он повысил боеготовность, выставил оборонительные минные заграждения у своих баз и напряженно занимался боевой подготовкой, используя опыт войны на море как на западе, так и в водах Тихого океана.

Тихоокеанский флот был вынужден внимательно следить за обстановкой на наших морских рубежах и обеспечивать коммуникации транспортных судов. Я уже говорил выше, что милитаристская Япония, связанная договором с фашистской Германией, была готова выступить против Советского Союза и только выжидала благоприятного момента. Провал планов «молниеносного» наступления на советско-

германском фронте в первые месяцы войны на трех основных направлениях — на Москву, Ленинград и Донбасс — охладил пыл японской военщины. Тем не менее она продолжала устраивать провокации как на море, так и в воздухе.

Тихоокеанский флот (командующий адмирал И. С. Юмашев, член Военного совета генерал-лейтенант береговой службы С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов) к началу войны на Дальнем Востоке имел в своем составе два крейсера, одного лидер эсминцев, 12 эскадренных миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли. В составе ВВС Тихоокеанского флота было около 1500 различных самолетов. Японский флот, уже сильно ослабленный американцами, к августу 1945 г. все еще насчитывал до 500 боевых кораблей, в том числе 6 авианосцев, 4 линкора, 7 крейсеров, 22 эсминца, 44 подводные лодки и значительное число кораблей других классов. Понятно, значительные силы японского флота были прикованы к борьбе с ВМС США, которые к этому времени, добившись перелома в войне на Тихом океане, успешно продвигались к основным островам Японии, бесперерывно атакуя вражеский флот с воздуха и на море. Однако нам при планировании операций на море приходилось считаться с возможностью быстрой переброски нужного количества наших боевых кораблей в Японское море.

Еще до начала войны СССР с Японией были распределены зоны действий морских, воздушных и сухопутных сил Советского Союза и США. Эта разграничительная линия проходила в 90—120 милях от берега в Японском море и в 15—25 милях от нашего побережья в Тихом океане и Беринговом море.

В ночь на 8 августа 1945 г. Тихоокеанский флот был переведен на оперативную готовность № 1 уже для фактических боевых действий. Торговые суда укрылись в заранее указанных пунктах, а на морских коммуникациях была введена служба конвоев. Пришлось услышать старые минные заграждения. Начало боевых действий было назначено на 9 августа.

Задачи флота были поставлены Ставкой Главного командования Дальнего Востока. Они вытекали из взаимодействия с 1-м Дальневосточным фронтом и самостоятельных задач в общих интересах войны с Японией. Для решения этих задач было важно в целях «расчленения и разгрома» Квантунской армии высадить ряд десантов на Корейском полуострове, а после решения главной задачи в Маньчжурии совместно с сухопутными частями освободить острова Курильской гряды. Кроме этого, на флот (совместно с Северо-Тихоокеанской флотилией) возлагалась задача обороны всего морского побережья и нарушения коммуникаций противника.

При наступлении наших фронтов на Квантунскую армию требовалось, с одной стороны, не допустить ее снабжения и пополнения через корейские порты, а с другой — не дать ей возможности эвакуироваться в случае необходимости. Ближайшими портами, через которые могло поступать пополнение для Квантунской армии или через которые она могла отойти на острова, были Юки, Расин и Сейсин. К высадке десантов в этих портах и был подготовлен наш флот. По сведениям разведки, порты были укреплены береговой артиллерией, имели (правда, сравнительно немногочисленные) гарнизоны и до 35—40 боевых кораблей. Самым укрепленным был порт Сейсин, где находился гарнизон до 4 тыс. человек и была подготовлена сильная береговая оборона.

Замысел командования флота относительно высадки десантов заключался в следующем. Авиация флота (командующий генерал-лейтенант авиации П. Н. Лемешко) наносит по возможности внезапные удары по кораблям и береговым объектам противника. Для этого используются дивизии шкиповщиков и штурмовиков. Одновременно с воздушными налетами порты подвергаются нападению торпедных катеров. Их операциями руководит командир 1-й бригады торпедных катеров капитан 2 ранга П. Ф. Кухта, а дивизионами катеров командуют капитаны 3 ранга К. В. Казачинский и С. Н. Костицкий, а также капитан-лейтенант М. Г. Малик. Первые атаки с воздуха и моря по портам производились со всей решительностью и достойной похвалы. Уже к 11 августа создалась благоприятная обстановка для высадки десантов в портах Юки и Расин, что и было сделано в течение двух дней в тяжелых метеорологических условиях. Успешные десанты и захват этих портов позволили начать уже разработанную и подготовленную операцию по занятию сильно укрепленного порта Сейсин. Для этого требовались более крупные силы как десантных подразделений, так и кораблей поддержки. В трех эшелонах десанта были 335-я стрелковая дивизия, 13-я бригада мор-

ской пехоты и 355-й батальон морской пехоты Тихоокеанского флота. Командиром высадки был назначен капитан 1 ранга П. Ф. Студенчичников, а командиром десанта — генерал-майор В. П. Трушин.

Как и предполагалось, бой за Сейсин были тяжелее, чем за Юки и Расин. В ночь на 14 августа высадился первый эшелон десанта — 355-й батальон морской пехоты. При поддержке авиации и кораблей ему в течение дня после тяжелых боев удалось овладеть плацдармом в два километра по фронту и всего километр в глубину. Японцы подтягивали подкрепления, и морской пехоте при поддержке кораблей в течение одной ночи, на 15 августа, пришлось отбить 14 атак врага. В боях проявили себя И. М. Яроцкий, М. И. Кочетков, Н. Г. Маркелов, М. П. Бараболок. Двум последним было присвоено звание Героя Советского Союза. Несмотря на исключительно упорное сопротивление противника, во второй половине дня 16 августа японская военно-морская база Сейсин была занята десантными частями флота. Генерал-лейтенант С. И. Кабанов, назначенный командующим Южным морским оборонительным районом, получил возможность организовать оборону этих портов, базировать на них корабли и продвижением десантов в глубь полуострова оказывать помощь фронту. Следует отметить и 13-ю бригаду морской пехоты под командованием генерал-майора В. П. Трушина. Эта бригада отважно и умело действовала в течение всего дня 15 августа.

Одновременно с десантами в портах Юки, Расин и Сейсин Северо-Тихоокеанская флотилия под командованием вице-адмирала В. А. Андреева (член Военного совета генерал-майор береговой службы Г. Ф. Зайцев, начальник штаба контр-адмирал И. И. Байков) высадками десантов содействовала наступлению 56-го стрелкового корпуса, очищая южную часть Сахалина. Когда 25 августа флотилия высадилась десант на военно-морскую базу Отомари, а японский гарнизон в 3400 человек сложил оружие, части корпуса заканчивали освобождение Южного Сахалина.

Теперь предстояло освободить острова Курильской гряды. Эта задача была возложена на командующего войсками Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко и командира Петропавловской военно-морской базы капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева. Нам уже давно было известно, что японское командование сильно укрепляет остров Парамушир с военно-морской базой Катаока, ближе всего расположенный к полуострову Камчатка. Рано утром 18 августа в плотном тумане началась высадка десанта на остров Шумшу, который был отделен от Парамушира узким проливом. Численность гарнизонов на Курильских островах превышала 50 тыс. человек с достаточным количеством артиллерии, танков и самолетов. Бои за освобождение всех островов Курильской гряды закончились к 1 сентября 1945 г.

В дни, когда Тихоокеанский флот проводил намеченные операции, мне вместе с маршалом А. М. Василевским довелось побывать во Владивостоке, где командование флота доложило Главнокомандующему советских войск на Дальнем Востоке об успехах своих десантов. Посещая корабли Тихоокеанского флота, Александр Михайлович с присущей ему теплотой и сердечностью беседовал с моряками, а те, в свою очередь, восторженно приветствовали прославленного военачальника. Я с удовольствием вспоминаю, что в конце войны мне довелось еще раз встретиться с маршалом А. М. Василевским в его штабе, побывать вместе с ним на сухопутных фронтах и снова почувствовать обаятельность этого высококультурного и авторитетного военачальника.

Проводив маршала А. М. Василевского, я еще неделю оставался на Тихоокеанском флоте. В первых числах сентября отгремели последние залпы.

Надо отметить, что Тихоокеанский флот внес свой вклад не только в закончившуюся войну на Дальнем Востоке, но и в войну с фашистской Германией. Стоя на страже восточных рубежей, он помогал Северному флоту в борьбе с гитлеровцами посылкой кораблей и прежде всего подводных лодок. Моряки и береговики — тихоокеанцы по решению Ставки принимали участие в боях под Москвой. Сталинградом и на других фронтах в составе морских бригад. Они везде отличались стойкостью и храбростью. Вспоминая о сражениях за Сталинград, я уже описывал участие в боях более чем 20 тыс. моряков в составе 2-й гвардейской армии генерала Р. Я. Малиновского. Тогда нужно было остановить спешившую на помощь генерал-фельдмаршалу Паулюсу армию Манштейна. Так вот, там костяком моряков в морских стрелковых бригадах были тихоокеанцы. Они находились всегда на ответственных участках.

...Сентябрь — чудесное время на всем побережье Японского моря. Правда, на севере — на Камчатке или в Советской Гавани — уже чувствуется наступление холодов, но воздух удивительно чистый и сухой. А в районе Владивостока еще тепло, и только разноцветные листья кленов на сопках предвещают скорую перемену погоды и заставляют думать о «золотой» осени, а затем и зиме. В конце октября и ноябре юго-восточные ветры со стороны Тихого океана с туманами и штормами (а иногда и свирепыми циклонами) меняются на северо-западные. «Сибирский максимум» с высоким давлением одолевает теплые потоки воздуха с моря, и тогда просто невозможно представить, что летом здесь поспевают яблоки и различные сорта винограда.

Невольно приходило на память мое первое пребывание на этом морском театре в 1937—1939 гг. Тогда, прибыв из Испании в командировку, я, в силу сложившихся условий, вместо возвращения на Пиренейский полуостров был назначен на Тихоокеанский флот. С некоторой боязнью и осторожностью ехал я туда. В те годы Дальний Восток считался еще неблагоустроенным и неуютным. На деле же все оказалось иначе. Меня захватили огромные морские и океанские просторы, когда я, знакомясь с новым морским театром, посещал различные военно-морские базы. Как поражался я тогда таким бухтам, как Советская Гавань или пролив Стрелок! Сколько прекрасных бухт увидел около Владивостока! Тихоокеанский флот был уже крупным флотом, быстро увеличивался в своем составе, и настоящие моряки, прибывавшие туда с опаской, как и я, обычно оседали там. Они увлекались необъятными просторами, богатствами края и предпочитали оставаться там служить и лишь в отпуск «ездить в Европу», как у нас было принято говорить, отправляясь из Владивостока в Москву или на Кавказ.

Тогда же мне довелось познакомиться с маршалом Василием Константиновичем Блюхером, который возглавлял все наши силы на Дальнем Востоке. Моим соседом оказался командующий 1-й армией в Ворошилове — также прибывший из Испании Г. М. Штерн. А сколько замечательных командиров соединений я встретил, командуя флотом! Дальний Восток явился прекрасной школой для моряков.

Уже тогда, в конце 30-х годов, мы не сомневались, какое большое будущее у Тихоокеанского флота и этого морского театра. Страна выходила на мировую арену как крупная морская держава и не могла не думать о большом «морском и океанском» флоте. Судостроительная программа такого флота и была запущена в 1938—1939 гг.

Возвращаясь в Москву, я снова побывал на кораблях Амурской флотилии. Ее четыре бригады речных кораблей, две бригады бронекатеров и в общей сложности более 200 кораблей активно участвовали в разгроме милитаристской Японии. Мне особенно нравились мониторы Амурской флотилии. Эти небольшие, но исключительно удачно созданные корабли сумели проявить себя, самым тесным образом взаимодействуя с 2-м Дальневосточным фронтом.

Несколько позже мне довелось плавать до Комсомольска с генералом армии М. А. Пургаевым. Во время войны он, как уже упоминалось, командовал этим фронтом. Вспоминая о боевых действиях, он с похвалой отзывался об амурцах. Мониторы и бронекатера флотилии, по его словам, оказали особенно большую услугу фронту, когда во время наступления шли проливные дожди и реки выходили из берегов. Отлично руководил боевыми действиями флотилии контр-адмирал Н. В. Антонов, которому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наши речные флотилии всегда комплектовались моряками, хотя служба на реках имела свою специфику. Однако малые корабли часто выполняли одни и те же задачи как на морях, так и на реках. Так, бронекатера, широко применявшиеся на Дунае, Днепре и Волге, с таким же успехом действовали на Онежском озере или Ладоге. Мониторы Амурской флотилии были весьма удачными кораблями потому, что имели мощное вооружение и прекрасно держались на воде, имея хорошую маневренность.

Вот те мысли и воспоминания о действиях Советских Вооруженных Сил в войне против милитаристской Японии, которыми мне хотелось поделиться с читателями журнала спустя более четверти века после этих исторических событий.

